

АЛИСА Лунина

За пять

минут

до

января

НОВОГОДНЯЯ комедия

Алиса Лунина

За пять минут до января

Серия «Новогодняя комедия»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305622
За пять минут до января. Роман: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-097701-7*

Аннотация

Не бывает похожих новогодних ночей, как не бывает похожих снежинок. Единственный праздник в году, от которого ждешь чуда, обязательно радуется каким-то сюрпризом. Для Олеси сюрпризом стало то, что в одночасье она потеряла и жениха, и подругу. Под самый праздник она застукала их вместе! И теперь встречает Новый год с дедом. Но дед-то у нее мировой! Он приносит удачу. И удача ждала Олеся прямо за забором! Сосед – несговорчивый и хмурый, никак не походил на мужчину, который станет для Олеси подарком. Но в волшебную ночь всякое может случиться. И любовь, как сверкающая снежинка, упала к Олеся прямо на ладони...

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	49
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Алиса Лунина

За пять минут до января

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть новинки издательства скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Лунина А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Часть 1

И все такие разные

Глава 1

Новый год – это прекрасное время для подведения итогов и отличный повод для радости, если, конечно, подбитые за год итоги вас впечатляют и радуют. Увы, в этот предновогодний вечер Олесе радоваться было нечему – неудачи в ассортименте просто преследовали ее в последний месяц. Начать с того, что в ноябре Олесю не взяли в спектакль, в котором она хотела играть, в начале декабря накрылась ее роль в сериале, а за пять дней до Нового года она рассталась со своим молодым человеком. Впрочем, последнее событие, в реестре жизненных неудач, отнюдь не воспринималось Олесей как главная неудача.

Сейчас самым важным был для нее кастинг, в очереди на который Олеся провела уже четыре часа; и если уж и с ним не повезет, ну тогда все – никакого не то что праздничного настроения, а вообще жизни не будет.

– Разве нормальные люди будут назначать кастинг на тридцатое декабря, когда все либо готовятся к встрече Нового года, либо его уже встречают? – фыркнула яркая блон-

динка в очереди.

Олеся кивнула, внутренне соглашаясь. Она бы тоже сейчас предпочла думать о празднике, а не о том, подойдет ли она в этот мюзикл. И все-таки подойдет или не подойдет?! Одна и та же мысль крутилась в голове дурной каруселью. Олеся оглядела собратьев по несчастью, то бишь конкурентов: лица у соискателей ролей в новом масштабном мюзикле были кислые и тревожные, и вся гигантская очередь, выходящая далеко за пределы телецентра, напоминала (общим выражением лица и витающим в воздухе настроением) очередь в кабинет стоматолога. Впрочем, лица тех, кто покидал зал, в котором шло прослушивание, были еще горестнее.

«Что ж такое там с ними делают?!» – испуганно ойкала блондинка, глядя на очередного несчастного, на челе которого ясно читалось: «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

– Не возьмут, ясен пень, не возьмут! – в итоге констатировала блондинка. – Чо я сюда вообще приперлась?

Олеся промолчала, хотя тоже задавала себе такой вопрос.

– А ты на какую роль пробуешься? – поинтересовалась разговорчивая блондинка.

Олеся закашлялась и выдохнула:

– Снежинки!

Получилось, как будто каркнула ворона – хрипло и громко. Блондинка даже испуганно отшатнулась.

– Ты болееешь, что ли? – спросила она после долгой паузы.

– Болею, – чихнула Олеся.

Блондинистая барышня наморщила лоб:

– Ты в подтанцовку пробуешься?

– Нет, в вокал.

– Как же ты будешь петь с таким голосом? – ахнула блондинка.

– Не знаю, – едва не разрыдалась Олеся.

Действительно, как можно петь таким голосом, когда она говорить-то нормально не может? И попробуй убедить этих продюсеров в том, что еще несколько дней назад она пела так, что можно было заслушаться: с переливами, легко беря три октавы. Нет бы прослушивание отложить на неделю-другую, когда Олеся снова будет в голосе! Но кастинг, как поезд, проходил четко по расписанию, тут ждать не станут, кто не успел – тот опоздал. У Олеси даже возникла недобрая мысль: вот бы сейчас случилось что-нибудь этакое, что могло бы гарантированно отменить кастинг – например, нашелся бы какой-нибудь добрый волшебник или просто хороший человек, который бы позвонил куда надо и сообщил, что здание продюсерского центра... заминировано! И всем надо быстрее из него бежать, а кастинг провести после праздников; но эти опасные мысли шли вразрез с Олесиным воспитанием и совестью, а посему она смирилась с жестокой судьбой, тем более что было уже и поздно – девушка-ассистент выкрикнула ее фамилию: «Цветкова!»

И несчастная Олеся Цветкова на полусогнутых ногах поковыляла в зал. Увы, ей удалось спеть только первый куплет

любимой песни. Когда она, преодолевая дикую боль в горле, заголосила, изо всех сил стараясь петь проникновенно, лицо главного продюсера исказилось, как от зубной боли.

Он взглянул на Олеся с какой-то безгливостью и махнул рукой:

– Все понятно, достаточно.

«Ну что вам понятно? – Олеся укоризненно посмотрела на него. – Что вам может быть понятно? Что у меня температура тридцать восемь, но я все-таки притащилась на ваш кастинг, потому что он ох как важен для меня?! Или, может, вам ясно, что Сергей разбил мою жизнь, и мне теперь не то что петь о любви, а вообще слышать о ней тяжело?»

– А можно я допою до конца? – робко спросила Олеся и сразу поняла, что лучше было не выступать с подобным предложением.

Самый главный продюсер хмыкнул:

– А кто вам сказал, девушка, что вы умеете петь? Этот человек оказал вам плохую услугу.

Олеся переминалась с ноги на ногу, ей хотелось рассказать этому главному хаму и остальным членам жюри, что на самом деле она петь умеет, а просто так сложились обстоятельства, что сегодня она не в голосе. Но по их усталым, равнодушным лицам было понятно, что им это неинтересно. Тем более что в очереди рвались в бой еще сто пятьдесят более удачливых соперниц. Олеся развернулась и побрела во-свояси. Отказ на кастинге был еще одним подарком судьбы

в общую праздничную корзину к Новому году, доверху наполненную неудачами.

Почувствовав, что температура поднимается, Олеся забрела в кафе телецентра, чтобы выпить горячего чая. Она примостилась за столиком и вдруг обмерла: в зал вошла сама Лиза Барышева – знаменитая артистка и телеведущая. Вернее сказать, Лиза не вошла, а всплыла павою, этакое диво дивное с нарощенными волосами до попы и ресницами, закрывающими пол-лица. А за Лизой в кафе вошел тот самый главный продюсер, отказавший Олеся в мюзикле ее мечты. Увидев Барышеву, он ринулся к ней и принялся что-то игриво нашептывать. По всему было видно, что стоит Лизе только подмигнуть ему, и он отдаст ей любую роль в мюзикле. Олеся почувствовала обиду – любому дураку понятно, что у Лизы нет голоса. Она не поет, а мяукает, как кошка, компенсируя ослепительной внешностью и обаянием отсутствие вокальных данных. И тем не менее Лиза петь не стесняется, как телевизор включишь – она тут как тут, мяукает во всех шоу. Конечно, если у тебя грудь третьего размера, зачем тебе голос? Кого в наше время это вообще интересует?

Лиза фамильярно потрепала самого главного продюсера по щеке и удалилась, гордо выступая в образе королевишны экрана.

«Вот, наверное, счастливая женщина! – вздохнула Олеся. – Везет же некоторым!»

Но «некоторые» считали, что им вообще не везет. Ибо сказано, «богатые тоже плачут». И знаменитые. И красивые.

Лиза Барышева подошла к окну своей гостиной, из которого был виден Кремль. Послезавтра часы на Кремлевской башне возвестят стране о начале нового года. Больше всего на свете Лиза хотела бы в этот момент смотреть на главные часы страны именно из этого окна, и Новый год она хотела бы встречать у себя дома. Рядом с Андреем. Под елкой, с оливье и шампанским.

Да, именно так, хотя если бы ей кто-то пару лет назад сказал, что она будет мечтать о таком простом, незатейливом женском счастье, она бы, пожалуй, перекрестилась – чур меня!

Ей приходилось по-разному встречать Новый год: в одном из лучших ресторанов Парижа (ее любовник заказывал столик за два месяца), в Вене (первого января она с бывшим мужем побывала на концерте Венского филармонического оркестра), на Мальдивах, в Нью-Йорке на Таймс-сквер, и вот удивительный казус судьбы – теперь ей не надо никаких французских ресторанов или залитого огнями, ликующего Нью-Йорка, и солнечных стран, где нет снега, а нужна волшебная снежная полночь в Москве, в собственной квартире, и чтобы Андрей, ну пусть в качестве новогоднего подарка,

сделал бы ей предложение. Но это, казалось бы, такое реальное счастье было невозможно, потому что для него не хватало совершенной малости – чтобы все вышеперечисленное также хотел и Андрей. А он...

Неделю назад, когда они ужинали в любимом ресторане, она сказала ему, что хотела бы встречать Новый год вместе с ним. И что же? По его красивому, нервному лицу пробежала тень сомнения, а пожалуй, и недовольства.

– Я еще не думал об этом, – сказал Андрей. – Извини, столько работы, что было не до праздников.

Лиза вздохнула – опять работа; в последние два месяца, когда «Рождественскую симфонию» Андрея готовили к январской премьере, он почти все время проводил с оркестром, а до этого – полгода за роялем, пока сочинял симфонию. На все ее просьбы выйти с ней в свет Андрей отвечал отказом, ссылаясь на то, что устал, энергетически выдохся и не хочет посещать шумные светские мероприятия. Она старалась отнестись к этому с пониманием, но сейчас, когда речь шла о первой совместной новогодней ночи...

– Разве я прошу о чем-то невозможном? – изумилась Лиза.

Она так удивилась, что даже выключила звезду, от обиды, от растерянности превратившись в обычную женщину, которой больно, когда она понимает, что ее искренность не находит отклика. Андрей смутился и пробормотал, что подумает.

Что ж, до Нового года остается два дня, и теперь самое время вернуться к этому разговору.

Лиза набрала телефонный номер Андрея:

– С наступающим! Ты где сейчас? Опять на репетиции?

– Да, репетируем «Рождественскую», – устало выдохнул Андрей.

– Послезавтра Новый год... – вздохнула Лиза. – Мы будем его встречать вместе?

Молчание, как будто связь прервалась.

– Ты меня слышишь? – отчаянно выкрикнула Лиза.

– Извини, у меня много работы. Я жду важный факс из Америки, давай я перезвоню тебе позже...

Короткие гудки... Лиза застыла с трубкой в руках – как все это понимать?!

Она подошла к зеркалу и с пристрастием оглядела себя: мелирование и укладка от известного стилиста, роскошное платье. Тридцать девять ей никак не дашь (даже при дневном освещении – максимум двадцать семь), и вес идеальный – 53 кг, но, видимо, все-таки что-то с ней не так...

От обиды на Андрея Лиза расплакалась, как девчонка. Да, в этот момент богатая, успешная, талантливая (что отнюдь не синонимы), красивая, известная на всю страну Лиза Барышева чувствовала себя несчастной. И что с того, что она на всех телеканалах, носит одежду известных брендов и в спалоне за пару посещений оставляет сумму, равную месячному жалованью какой-нибудь конторской служащей?! Сча-

стве, как безжалостно и беспощадно поняла Лиза, совсем не в этом. То, чего бы ей хотелось, – недоступно. Ее счастье не купишь ни за какие деньги и не вымолишь у судьбы.

* * *

Андрей снял трубку.

– Андрей Савицкий? Вы получили наш факс? – поинтересовался глава крупнейшей в США звукозаписывающей компании Джон Берри.

Андрей подтвердил, что факс принят.

– Когда вы подпишите документы? – спросил Джон.

Андрей замялся, не зная, что ответить. Странная ирония судьбы – вот перед ним лежит контракт, за который многие музыканты отдали бы все на свете, включая бессмертную душу (фактически этот контракт – пропуск в мировую известность, подарок на Новый год от известнейшей музыкальной компании, замри и не выдохни от счастья!), а он почему-то пребывает в замешательстве и не спешит радоваться. Так что все-таки ответить? Пауза затягивается, и молчать уже неприлично.

– Джон, в России сейчас начинаются новогодние праздники... К тому же шестого января у меня премьера «Рождественской симфонии»... Можно я отвечу вам после праздников?

– У вас есть какие-то сомнения? – удивился Джон.

– Нет... Но я должен все обдумать...

– Что ж, отложим переговоры на неделю... Как принято говорить у вас в России: с наступающим! – рассмеялся Джон Берри.

Андрей вздохнул – конечно, по логике вещей он должен быть сейчас не просто довольным, а прямо-таки излучать счастье, а он... Загадочная русская душа! Разве ее поймешь?..

Сразу после разговора с Джоном позвонила импрессарио Андрея Елена.

– Ты получил по факсу контракт? – с места в карьер взяла Елена.

– Да, – ответил Андрей.

– И что?

– Ничего.

– Ты не рад? – удивилась Елена.

– Почему? Рад, – сказал Андрей нарочито жизнерадостным голосом. Похоже, вышло не слишком убедительно, потому что Елена переспросила:

– Что-то случилось? Поссорился с Лизой?

Услышав про Лизу, Андрей почувствовал раздражение – при чем здесь вообще Лиза?

– Мы же так долго мечтали о контракте с этой компанией... – растерянно сказала Елена. – Ты ведь понимаешь, какие это перспективы?

– Я все понимаю, – рассеянно сказал Андрей. – Я и не от-

казываюсь от этого предложения. Но мне надо подумать. Не так просто решиться уехать из России на три года. За праздники я приму решение.

– Андрей, ты устал, тебе надо отдохнуть... Набраться сил перед премьерой, до шестого еще целая неделя.

Андрей хотел было сказать ей, что в последние дни подумывает о том, что премьеру нужно отменить, но, представив несчастное лицо Елены, промолчал. Зачем портить человеку настроение, особенно перед Новым годом?! В конце концов, это его личные проблемы, в которых никто не виноват...

Сегодня, во время генерального прогона своей «Рождественской симфонии», композитор Савицкий вдруг понял, что ее финал «провисает», не согласуется с общей идеей, словно бы вся симфония существует сама по себе, а финал взят из совершенно другого произведения – деструктивный, слишком громкий, пафосный. В нем нет необходимой тишины и какой-то главной паузы. В итоге симфония оставляет неприятное ощущение фальши, искусственности, словно бы тщательно выстроенное, продуманное, сложное произведение вдруг закончили фальшивой нотой, превратив его в фарс. А ведь она посвящена самому волшебному, светлому празднику – Рождеству! Андрей сочинял ее полгода, отказавшись от других проектов, видя в «Рождественской» свое главное предназначение. Он вложил в симфонию столько сил и времени! А за неделю до премьеры, обещавшей быть громкой, вдруг понял, что симфония не удалась. Не слиш-

ком приятное открытие, когда билеты уже распроданы и по всему городу висят афиши.

Нет, выпускать симфонию с таким финалом нельзя. Но что делать? Отменить премьеру? Нет, будет скандал... Играть как есть? Но готов ли он к подобному компромиссу? Надо бы все переделать, полностью переписать финал, но у него нет ни идей, ни сил, ни вдохновения. Только усталость и апатия... Да еще этот Новый год на носу! Уехать бы куда-нибудь из России, переждать праздники, но Лиза... Объясняться с Лизой ему совсем не хотелось.

На самом деле тридцать первое декабря он бы с радостью провел по своему сценарию – закрылся бы у себя в квартире, отключил бы телефон и в качестве праздничного шоу наблюдал бы звездное небо в любимый телескоп. За прошедший год в шоу-бизнесе Андрей так устал от звезд кино и эстрады, что в новогоднюю ночь хотел смотреть на настоящие звезды – те, что на небе, прекрасные и молчаливые. В новогоднюю ночь в созвездии Тельца можно будет увидеть Юпитер, Весту и Цереру. Все это куда как лучше объяснений с Лизой или хмельного новогоднего застолья где-нибудь в гостях. Тем более что из-за случившейся на днях командировки в Петербург Андрей пропустил важное событие – сближение Луны и Юпитера в ночь с 25 на 26 декабря! Может он хотя бы в новогоднюю ночь полюбоваться парадом светил?!

Как, однако, некстати этот дурацкий Новый год! Лиза носит с ним точно дурень с писаной торбой, у нее на ново-

годнюю ночь такие планы, что тут уж будет не до Юпитера! Давеча в ресторане он было попробовал робко заикнуться ей о том, что она при желании могла бы для праздника найти компанию и повеселей, но Лиза одарила его таким взглядом, что он осекся и не стал развивать эту тему.

Он вообще давно понял, что сопротивление бесполезно и только осложнит и без того нелегкую ситуацию.

* * *

Василий Петрович Цветков начал утро с обычной пробежки в саду и довершил разминку энергичной зарядкой. В свои семьдесят лет Василий Петрович считал своим долгом заботиться о здоровье и поддерживать хорошую физическую форму. Тем более что здесь, в деревне, на свежем воздухе это было делать куда приятнее, чем в городе. Можно сколько угодно бегать, обтираться снегом, а потом, размявшись, зайти в баню. Однако сегодня Василий Петрович завершил спортивный моцион не баней, а уборкой снега, затянувшейся надолго.

Дело в том, что за три дня до Нового года в поселке Бабаево началось снежное шоу. Снег падал, не переставая. Его намело уже столько, что даже собачья будка Пирата, в которой пес жил летом, была скрыта снегом. Дверь в оранжерею, где Василий Петрович зимой выращивал цветы, тоже занесло – так просто не откроешь! Это в городах есть снегоуборочная

техника и боевые отряды дворников, а в Бабаеве на Лесной улице у Василия Петровича был только он сам в качестве снегоуборочной машины, и вот он, как машина, и расчищал снег добрых два часа. А что делать? Если снежные тонны не убрать, они, чего доброго, заметут не только собачью будку, но и большой двухэтажный дом Цветковых.

Черный кудлатый пес Пират наблюдал за хозяином с крыльца, а хитрый кот по кличке Полковник выбрал более удобный наблюдательный пункт – из окна гостиной.

Закончив убирать снег перед домом, Василий Петрович перешел в сад. Нужно было расчистить место перед Олесиной елью. Эту ель Василий Петрович посадил в год, когда родилась его любимая внучка Олеся.

Девочка росла, и ель росла вместе с ней. Именно тогда, двадцать пять лет назад, когда родилась Олеся, установилась традиция – в конце декабря наряжать Олесину елку и в полночь под ней встречать Новый год. И хотя в нынешнем декабре особенного праздничного настроения у Василия Петровича не было, нарушать семейные новогодние традиции он не собирался.

Раскидав снег, Василий Петрович принес из дома елочные игрушки – старые, памятные, те, что еще покупала его покойная жена, – и украсил ими ель. В эту новогоднюю ночь он, как обычно, подойдет к ели, вот только компанию ему составят разве что пес и кот. На прошлой неделе его сын и невестка уехали в Европу и вернутся они теперь только после

праздников. А внучка Олеся, как обычно в последние годы, будет встречать Новый год в Москве со своими друзьями.

«Ну что ж, – вздохнул Василий Петрович, – наше дело стариковское. Будем ждать гостей после праздников». А в Новый год он накормит любимых питомцев праздничным ужином, нальет себе сто граммов и посмотрит какую-нибудь старую добрую новогоднюю комедию, вот хоть «Иронию судьбы».

Вечером Василий Петрович зашел в оранжерею. Несколько лет назад, выйдя на пенсию, доктор физико-математических наук, бывший университетский преподаватель Цветков неожиданно для себя увлекся садоводством. Он оставил Москву и переехал в Бабаево, где жил теперь постоянно. Летом Василий Петрович ухаживал за огромным садом и, кроме того, круглый год выращивал в оранжерее диковинные растения. У него имелись орхидеи, хризантемы, розы, азалии, а скоро должны были расцвести камелии дивной красоты.

Василий Петрович оглядел цветочное царство. Сам он, посмеиваясь по поводу своего увлечения, любил приговаривать, что ему с такой-то фамилией положено любить цветы.

Цветков проводил много времени в оранжерее еще и потому, что здесь всегда было тепло. Зайдешь со двора, вот как сейчас, и прямо из снежной, холодной, такой долгой русской зимы попадешь в изумрудное, звонкое лето.

Камелии только готовились расцвести, по всем прогно-

зам это должно было случиться в конце января, но вот если бы произошло чудо! Новогоднее, Рождественское было бы очень кстати! Тогда самую красивую камелию, названную «Звездой Рождества», Василий Петрович подарил бы любимой внучке Олесе, которая сама похожа на прекрасный цветок изяществом и красотой. А еще его Леся похожа на эльфов из сказок Толкиена: худенькая, бледная, огромные глаза, длинные волосы... Леське бы еще уши большие приделать, как у тех сказочных существ, – вылитая была бы принцесса эльфов. Леся столь хрупкая, что даже странно – откуда в ней голос такой силы и мощи?! Когда внучка пела, Василий Петрович всегда вспоминал покойную жену, Олесину бабушку (та тоже была известной певуньей), а на глаза наворачивались слезы.

...Выйдя из оранжереи, Василий Петрович вздохнул – кругом было белым-бело от снежной метели. Снег валил, сводя на нет все его усилия по уборке двора. Снег шел куда быстрее, чем люди могли его расчищать.

– Ну и погодка! – улыбнулся Василий Петрович. – Новогодняя снежная кутерьма!

* * *

Капитан полиции Алексей Макарский стоял в окружении своих воспитанников и проводил «разбор полетов» после завершившейся тренировки. Особенно досталось маленькому

рыжему Саше Воробьеву.

– Воробьев! – строго крикнул капитан Макарский. – Это тебе самбо, а не дворовая драка. Да знаешь ли ты, что такое самбо?

И следующие тридцать минут Алексей Макарский, мастер спорта по самбо, тренер юношеской районной секции, рассказывал раскрывшим рты пацанам о сути этой замечательной борьбы.

По окончании сей пламенной речи Саша Воробьев поинтересовался:

– Дядя Леша, а вы бандитов ловите с помощью самбо или у вас пистолет есть?

– По-всякому приходится, – усмехнулся Макарский. – Все, тренировка окончена. Если будете так работать – сборной вам не видать как своих ушей! Тренируйтесь во время каникул.

– Дядя Леша, – спросил Воробьев, – а вы и в Новый год будете преступников ловить?

«Еще чего!» – чуть было не брякнул Макарский, но удержался и ответил:

– Нет. В Новый год я буду отмечать Новый год.

– А вы где его встречать будете? – не унимался любопытный Воробьев.

– Ну где... – смутился Макарский и соврал воспитаннику на голубом глазу: – Дома, с семьей.

А где приличный человек должен встречать Новый год?

Правильно, дома. С семьей. На самом деле семьи у бравого тридцатипятилетнего капитана Макарского не было. Не повезло, не сложилось. Была у него когда-то жена, красавица и умница, но только она давно уже приходится женой другому мужчине и живет в Москве. Не захотела Люда Макарская жить в Бабаеве и уехала в столицу. А Макарский остался здесь – живет в Бабаеве, работает в РОВД Мишкинского района, на добровольных началах тренирует местных ребят в секции самбо. Он, конечно, давно бы тоже мог перебраться в Москву, если бы захотел (его в столицу кем только ни звали – и сотрудником в ФСБ, и начальником охраны в крупный банк, и личным телохранителем бизнесмена). Вот вчера ему позвонил армейский друг и стал уговаривать переехать в Москву: «Давай к нам, устроим тебя в солидную контору! Леха, ну что ты там сидишь в этом медвежьем углу?» А Макарский в очередной раз отказался, не зная, как внятно объяснить, почему он ни на что не может променять свое Бабаево.

Отпустив пацанов, Алексей вышел на крыльцо спортклуба и вдохнул полной грудью морозный воздух. А хорошо: лес в инее, солнце светит, и через два дня любимый праздник – Новый год!

Макарский с чувством закурил и улыбнулся: ну как отсюда уедешь, когда здесь все родное, знакомое с детства? Бабаево – его родина, а в Москве как-нибудь обойдутся и без Лехи Макарского.

Заклученный Саня Колосков по кличке Бешеный тоскливо смотрел сквозь решетчатое окно – там, за окном, была воля, зима, любимая жена Марина, прежняя жизнь... И где-то там люди уже готовились к Новому году... А Саня Колосков в той, потерянной, жизни очень любил этот праздник. А теперь у него вместо наряженной елки и любимой жены – нары и небо в клеточку. Сане вдруг стало так грустно, что хоть плачь или волком вой. Его сокамерники спали: кто похрапывал во сне, кто кашлял. С тоски Саня затянул песню. Сначала он пел уныло, но вторую часть куплета пропел громко и с большим энтузиазмом. А последние слова, можно сказать, прокричал на всю зону.

– Сань, ты чего? – спросил с соседних нар разбуженный песней заключенный Аркадий Хныкин по кличке Философ.

С тем же вопросом в камеру пожаловал надзиратель. Строго зыркнув на Бешеного, надзиратель спросил:

– Колосков, что орешь?

– Настроение такое, – хмыкнул Бешеный.

– Я тебе сейчас испорчу! – погрозил надзиратель.

– Ладно, чо ты сразу шакала включил, начальник, – усмехнулся Бешеный. – Настроение у меня хорошее, вот и пою.

– Не положено! – буркнул надзиратель.

– Так Новый год ведь, – подмигнул Бешеный.

– Не положено, – отрезал надзиратель и захлопнул дверь камеры.

– Некоторые думают, что они поднялись. На самом деле они просто всплыли, – неодобрительно заметил Бешеный. – Вот гад, действительно настроение испортил.

– Ладно, Сань, не буйнь, – подал голос Философ. – Охота тебе в карцер загреметь на Новый год?

– Неохота, – скривился Саня. – Мне вообще Новый год тут встречать неохота.

Сане было неохота до такой степени, что он изо всех сил ударил кулаком по нарам. Почуввав приближающуюся бурю, другие разбуженные обитатели камеры притихли. У Сани Колоскова был крутой нрав, и прозвище Бешеный он получил именно за буйство и экспрессивность. А также за тяжелые кулаки.

Саня чалил в колонии третий срок. Половину своей жизни тридцатисемилетний Колосков провел в местах строгого режима. Ничего не поделаешь, так легла его карта – человека засосала опасная трясина. Всякий раз освободившись, выйдя на волю, Саня поддавался излюбленному пороку – прибираться, где чего плохо лежит. Самыми разными способами. Послужной список Сани Колоскова был представлен разнообразно: кражи, разбойные нападения, поножовщина. В нынешней тюремной реинкарнации в колонии строгого режима в Подмосковье Сане предстояло провести шесть лет – из которых три года он уже отбыл.

По сравнению с Саней Бешеным заключенный Аркадий Хныкин казался на зоне человеком случайным. В прежней жизни Аркадий был главным бухгалтером крупного предприятия, но то ли он как бухгалтер проворовался, то ли директор этого предприятия подставил Аркадия, а только вышел Аркадию срок – пять лет колонии строгого режима. Первое время сорокалетний Аркадий на зоне чувствовал себя инородным телом, и кто знает, как бы сложилась его судьба, не проникнись к нему симпатией сам Саня Бешеный, человек в здешних кругах авторитетный. Для Бешеного начитанный Аркадий стал персональной Шахерезадой – Аркадий пересказал ему «Евгения Онегина», заинтриговал Саню коллизиями «Войны и мира», усилил впечатление жалостливой «Бедной Лизой» и пообещал за будущие годы познакомить Саню и остальных сокамерников со всей русской классикой. За свой талант рассказчика Аркадий получил покровительство Сани, а со временем Хныкин и Бешеный даже как-то сдружились. Все свободное время (а в колонии его было много) Аркадий проводил за чтением книг, преимущественно философского содержания. В результате он стал таким просветленным, что коллеги стали называть его Философом.

Вот и в этот тяжелый для Сани Бешеного момент Философ попробовал утешить приятеля вполне философской сентенцией:

– Да будет тебе, Сань, какая разница, где быть – по ту сторону или по эту? Вот скажем, Марк Аврелий говорил, что

всюду, где можно жить, – можно жить хорошо!

Но Саню пример Марка Аврелия почему-то не убедил:

– Иди ты знаешь куда со своим Аврелием!

Философ пожал плечами:

– Знаю! Как говорил Ясперс: «Самые глубокие противоречия между людьми обусловлены их пониманием свободы!»

Бешеный с чувством воскликнул:

– Какая тоска, мля, на воле народ уже в натуре салаты шинкует, а мы тут паримся! Слышь, Философ, выдай что-нибудь умное! Только не про этого фраера Аврелия.

Философ, которому было не привыкать к тому, что его, как диковинного попугая, периодически просили сказануть чего-нибудь эдакое, задумчиво посмотрел вдаль и, выдержав значительную паузу, таки сказанул:

– Писатель Фулгам рассказал историю о том, как один человек прихватил с собой пиво, бутерброды с вареньем, парашют и рацию, прикрепил свой шезлонг к метеорологическим зондам и взлетел, сидя в шезлонге, на три километра ввысь, прямо через взлетную полосу аэропорта. Когда его потом спросили, зачем он это сделал, он сказал: «А чего на одном месте сидеть?»

– Эх, хали-гали сапоги-сандали! – крикнул Бешеный и экспрессивно ткнул Философа в бок: – Точно! Прямо в корень зришь. Ша, братва, с меня хватит! Я не я, если этот Новый год встречу на зоне!

Обхватив голову, Саня, казалось, о чем-то усиленно размышлял, а вскоре, по итогам размышлений, он, довольно поглядывая на дверь камеры и словно подмигивая надзирателю, сказал:

— А хрен вам с Аврелием! — и затянул песню:

А если посадят меня за решетку,
В тюрьме я решеточку порву.
Пусть луна светит своим продажным светом,
А я все равно убегу.

* * *

До Нового года оставалось два дня. Все эти разные люди собирались встречать любимый праздник, и они еще не знали, что судьба соединит их. То ли планеты выстроятся причудливым образом, то ли сближение коварного Юпитера с Луной так повлияет на их судьбы, но как бы там ни было — Новый год у них, таких разных, будет общий на всех... Впрочем, не станем забегать вперед.

Глава 2

Новый год всегда был ее любимым праздником, и теперь, когда до него оставалось два дня, Олеся честно постаралась настроиться на праздничную волну, но волна ускользала и терялась в море грусти. И уже и Новый год не радовал, и вообще ничего.

«Жизнь не удалась!» – охнула двадцатипятилетняя Олеся и замерла от ужаса: ей казалось, что после тридцати – это прямо загробная жизнь! Да, определенно, ее жизнь – псу под хвост. Личное счастье не сложилось, а главное, карьера певицы, о которой Олеся мечтала с самого детства, так и не задалась. Хотя вроде бы для этого все имелось: и голос, и яростная готовность работать, и внешность. Дед Василий вообще считал Олесю красавицей, но тут как в суде – показания близких родственников в расчет не принимали. Для деда, понятное дело, внучка самая лучшая. У самой же Олеся имелись отдельные претензии к мирозданию – например, очень уж она тоненькая, так и просится сказать тощенькая, и росточку бы побольше, и волосы зачем-то непослушно кучерявятся, так что никакой плойкой не распрямишь, но в целом все симпатично – на сцену выйти можно! И тем не менее добиться каких-то значительных успехов ей пока не удалось.

В чем же все-таки причина? Может, как предположил бывший Олесин жених, в том, что она – несовременная?

– Леся, ты какая-то... несовременная! – выговаривал ей Сергей. – Пойми, восемьдесят процентов успеха обусловлено нашей способностью правильно коммуницировать.

– Чего делать? – не поняла Олеся.

– Заводить полезные связи, общаться с нужными людьми, грамотно себя позиционировать!

– Я не хочу заводить «нужные связи», я с людьми общаюсь не по этому принципу, – пожала плечами Олеся, – а сообразно тому, нравятся мне эти люди или нет.

– В том-то и дело! – кивнул Сергей. – Ты вообще контактируешь не с теми людьми! Стоишь с какими-то чудиками в пикетах против вырубки леса, выходные проводишь с пенсионерками в собачьих приютах. Твой круг общения не рационален!

– И слава богу! – рассмеялась Олеся. – Мне нравятся неравнодушные, искренние люди!

– Твои замечательные люди не смогут замолвить за тебя слово в нужном месте и не дадут тебе роль, о какой ты мечтаешь! – заметил Сергей.

– И не надо! Я хочу сама всего добиться собственным трудом. Мой дед Василий говорит, что нужно просто хорошо делать свое дело и тогда рано или поздно успех все равно придет!

Сергей покачал головой:

– При таком подходе успех придет именно что поздно! Пойми, сейчас такие правила игры – либо ты их принима-

ешь, либо ты за бортом! Кстати, если ты хочешь быть известной певицей, тебе надо как-то громко заявить о себе.

Олеся не очень понимала теорию этих «громких заявлений». Ну в самом деле, что она может на практике? Заплатить кому-то за ротации на радио и мелькание в ТВ-ящике? Но она не дочь олигарха и не подружка депутата (у нее папа – востоковед, а бабушка – заслуженный ученый с обычной пенсией). Переспать с каким-нибудь продюсером, который возьмет ее под крыло? Но она не готова на это ни ради денег, ни ради славы (она вообще согласна только на любовь!).

Закатить скандал? Да! Сергей так и сказал Олеся: «Тебе надо закатить какой-нибудь скандал, это же мощный пиар-повод!» Ей даже стало смешно. Какой она может придумать скандал? Разве что зайти в кафе «Останкино» и побить посуду? Так это глупо. И вообще она не любила скандалить. Она не скандальный человек. У них в семье это было не принято. Если кто из домашних был не в духе – так он просто закрывался в комнате на какое-то время, и все домочадцы знали, что человеку надо побыть одному, успокоиться. А вот так, чтобы тарелки бить друг другу об голову или ругаться, – такого у Цветковых никогда не случалось.

Кроме того, Сергей советовал ей выглядеть ярче («Леся, девиз нашего времени: не быть, а казаться! Выбрала публичную профессию – изволь соответствовать!»), но Олеся только усмехалась в ответ – она не хочет бежать к пластическим хирургам, чтобы обзавестись мощным бюстом или гу-

бами, как у рыбы, и выглядеть в итоге как жертва беспощадного тотального гламура. Она такая, какая есть, и хотела бы – к черту моду! – сохранить искренность и естественность. А потом, у нее и времени нет на подобную ерунду – вместо стилистов и шопингов она лучше прочтет еще одну умную книгу или посмотрит арт-хаусный фильм. А вместо солярия и маникюрши отвезет корм в приют для бездомных животных.

В общем, поразмыслив, в итоге Олеся согласилась с женихом: «Да, я не современная, но я бы хотела остаться собой!» – «Глупо!» – парировал Сергей. – Твоя нелепая принципиальность создаст тебе много проблем!»

Примерно то же самое он сказал Олеся при расставании неделю назад, в тот день, когда у нее разом не стало ни жениха, ни лучшей подруги.

И вот сейчас, в канун Нового года, Олеся понимает, что проблем у нее действительно много, тут, как ни крути, бывший жених оказался прав.

А глупая принципиальность тому причиной или что другое – кто знает...

Глядя на падающий снег, Олеся задумалась: «Интересно, а когда началась эта колея неудач, по которой я качу, как на паровозе, вот уже несколько месяцев? После разрыва с Сережей? А может, если быть честной, признать, что гораздо раньше?! Например, со встречи с ним? Когда я приняла за любовь обычную влюбленность?»

...Она познакомилась с Сергеем два года назад во время съемок в сериале, где оба играли эпизодические роли. Сергей обладал кинематографической, фактурной внешностью героя-любовника (высокий, кудрявый, картинно красивый) и нешуточными актерскими амбициями – он рассчитывал получить звание народного артиста годам к тридцати (и в свои двадцать пять вовсю к этому готовился).

Инициатором их отношений был Сергей – он начал ухаживать за ней, причем делал это изящно: подарки, цветы, рестораны, клубы. К тому времени Олеся уже вовсю мечтала о большом, настоящем чувстве (мимолетные студенческие влюбленности не в счет!), ее душа «ждала кого-нибудь». А тут не кто-нибудь, а прямо принц из сказки! Красивый, прекрасно воспитанный, из такой же хорошей семьи с традициями, как у нее. И Олеся влюбилась.

Начались конфетно-букетные отношения. А месяц назад Сергей сделал Олеся предложение. Она ответила, что подумает и даст ему ответ к Новому году. Он обиделся: «Какие раздумья? Ты в чем-то сомневаешься?» Олеся смутилась и промолчала.

На самом деле сомнения у нее действительно были, и еще какие! Это первые полгода после встречи с Сергеем она была им сильно очарована, но постепенно, по мере того как они узнавали друг друга лучше, некоторые вещи стали омрачать недавнюю идиллию. Например, Олесю стала печалить категорическая сосредоточенность Сергея на собственной пер-

соне. Конечно, все люди зациклены на себе, но у некоторых это протекает в легкой, необременительной для других форме, а Сережина эгоцентричность была возведена в абсолют. По большому счету, кроме себя самого, его более ничто не интересовало. Олеся как-то с грустью сказала ему, что вот, скажем, в футбол он играть бы не смог и вообще все командные игры и человеческие отношения, подразумевающие взаимовыручку, готовность прийти на помощь, – не для него. «Да, – спокойно ответил Сергей, ничуть не обидевшись, – я индивидуалист. Разве это плохо?!»

А это было ни плохо ни хорошо, просто иногда Олесе хотелось от него внимания, искренности. Однажды она вдруг подумала, что вот странное дело: они уже год вместе, а он ни разу не сказал ей, что она талантливая, что у нее голос и, между прочим, тоже актерские данные. «Все красивая да красивая, а что талантливая – не дождешься! – вздыхала Олеся. – А ведь так важно услышать похвалу от близкого человека, слова одобрения, тогда-то и расцветает и крепнет уверенность в своих силах!» Но ее уверенность не только не расцветала, а, напротив, со временем стала сходить на нет. Дело в том, что в Сергее погиб великий педагог, Сухомлинский или Макаренко. Он все время Олесю воспитывал. Как увидит – сразу начинает воспитывать: и это ты делаешь не так, и прическа эта тебе не идет, и тот мюзикл тебе не подходит – вообще туда на пробы не ходи! И так во всем.

Нравоучительные нотации Сергея со временем стали Оле-

се надоедать. Недавно она неосмотрительно пригласила его поехать в Бабаево – познакомиться с ее родными. За два дня, пока они гостили в Бабаеве, Сергей умудрился дать пару ценных советов даже ее родителям и немедленно занялся воспитанием хозяйских кота и собаки. В общем, когда он уехал из Бабаева, все Олесины домочадцы вздохнули с облегчением («Невероятно самоуверенный молодой человек!»), включая саму Олесю и Пирата с Полковником.

А самое главное, что из их отношений так и не выросло дружбы. Олесе было обидно, что Сергей не только ни разу не принял участия в ее проектах, а даже не интересовался ими хотя бы из вежливости. А между тем Олеся считала свою волонтерскую деятельность по-настоящему важной. Она простаивала в экологических пикетах против вырубки леса, организовывала спектакли в детских домах.

Сергей усмехался: «Леся, ты такая наивная чукотская девушка! Нет, все это довольно мило, но в чем смысл твоей борьбы? Хотя я понимаю, у каждого свое хобби!» Слово «хобби» он произнес с интонацией «если совсем делать нечего, то, наверное, можно и митинги против уничтожения старых домов посещать»! Олеся горячо возражала: «Ну как ты не понимаешь?! Ведь это моя Москва, мой город детства, который исчезает на наших глазах! Вот я иду по центру, где мне знаком каждый дом, и вижу, что этого дома больше нет, его снесли и построили очередное офисное здание, безликий новодел! Мой город уродуют какие-то бездушные чи-

новники, а кто им дал на это право?!» Сергей пожимал плечами: «Ты все равно ничего не сможешь сделать, ваши пикеты ничего не решат! Это все равно что бороться с ветряными мельницами!» Олеся упрямо качала головой, повторяя слова, однажды услышанные от деда: «Сначала они тебя не замечают, потом смеются над тобой, затем борются с тобой. А потом ты побеждаешь!»

Она знала, что Сергея раздражает ее заполошность («Тебе до всего есть дело!»), очевидная непрактичность. Когда она уступила свое место в мюзикле подруге Вике, посчитав, что той эта роль нужнее, он отругал ее: «Ну и дура! Ждешь, что твой поступок кто-то оценит? Зря!» Сергей даже посмеивался над ней, например, гомерический хохот у него вызвало участие Олеси в пикете против уничтожения детенышей бельков: «Леся, ну где эти тюлени и где ты?!» – «Их жестоко забивают совсем маленькими!» – разревелась Олеся, а Сергей покачал головой.

Сначала Олеся надеялась, что, может, со временем он начнет хоть немного интересоваться ее жизнью, потому что разве бывает любовь без взаимопонимания?! Она привыкла к тому, что в их семье все друг друга всегда поддерживают, и считала, как и герой известного фильма, что счастье – это когда тебя понимают! Однако время шло, а в их отношениях с Сергеем ничего не менялось.

После того как он сделал ей предложение, она серьезно задумалась: а зачем нужны отношения без любви? Ведь она

с детства видела, как *должно быть*. У нее перед глазами был пример родителей и пример деда, который прожил со своей женой, Олесиной бабушкой, в согласии двадцать пять лет.

А в их с Сергеем отношениях все было как в игре «тепло – холодно». И все только холодно, холодно и ни волнений, ни особенных переживаний, ни искренности. С Сергеем Олеся чувствовала себя ясновидящей – в том смысле, что видела их дальнейшую жизнь на много лет вперед. Вот они поженились, у них будет шикарная свадьба (Сергей любит пускать пыль в глаза). Он настаивает на том, чтобы она оставила профессию и занялась домашним хозяйством. «В семье должен быть один артист», – однажды сказал Сергей с таким видом, что сразу стало понятно, кого он имел в виду, а потом, лет в сорок, она вдруг почувствует, что ее так достала эта «благополучная» семейная жизнь, что окажется в дурдоме с сильнейшим неврозом; и из этого долгосрочного прогноза на годы вперед Олеся сделала вывод – им надо расстаться. Просто они с Сергеем разные люди. Так бывает, и никто не виноват, главное, вовремя это понять, а дальше уже идти каждому своей дорогой. Но она никак не могла решиться Сергею об этом сообщить, потому что боялась ранить его, и все искала подходящий повод для последнего объяснения. И повод вдруг нашелся, но такой, что ей бы и в кошмарном сне не приснился...

За неделю до Нового года Олеся приехала к Сергею, чтобы забрать у него кое-какие вещи, и обнаружила там свою

подругу Вику. И Сергей, и Вика явно не ждали Олесю и были смущены ее внезапным появлением. Олеся хотела что-то сказать полуголой, растерянно улыбающейся подруге, но не смогла (ей почему-то стало больно дышать), только махнула рукой, развернулась и побежала куда глаза глядят. Олеся бежала по улицам, задыхаясь от боли и чувства, что и небо падает ей на голову. «Почему так подло, за спиной?! – ревела Олеся. – Неужели нельзя было сказать мне честно – в лицо, что вот мы с Викторией (Сергеем!) полюбили друг друга и не можем противостоять стихийно вспыхнувшим чувствам!» Она бы постаралась их понять и устранилась. А так... Жених и лучшая подруга?! С Викторией Олеся дружила с первого курса театрального училища и считала ее близким человеком, какое-то время Вика даже жила у нее.

Самое смешное, что еще месяц назад Сергей отчитывал Олесю, узнав, что та уступила свою роль в спектакле Вике.

И вот так, в один день, ни жениха, ни подруги! Лихо! Да еще под Новый год!

В тот день Олеся поехала к деду в Бабаево – помочь ей справиться с обрушившимся небом мог только он. Прижав к груди урчащего Полковника, Олеся долго и бессвязно жаловалась деду Василию на несправедливость судьбы, а он отпаивал ее чаем и говорил, что иногда нам кажется, будто мы потеряли что-то большое, важное (и это такая потеря, какую нельзя пережить!), но потом выясняется, что эта кажущаяся потеря на самом деле – дар судьбы, что называется, «Бог

отвел!». Но чтобы понять это, должно пройти время, нужно отойти на расстояние и проверить ситуацию масштабом времени...

Утешения деда Василия помогли Олесе. На следующий день она вернулась в Москву с твердым намерением забыть случившееся, как кошмарный сон, и не видеть больше ни Сергея, ни Вику. Однако Сергей названивал ей и настаивал на встрече.

Она согласилась встретиться с ним, зная, что эта встреча будет последней.

Они встретились в кафе. Сергей кашлял, выглядел больным (он объяснил, что накануне сильно простыл), однако особенного раскаяния не выказал.

«Понимаешь, Вика сама... напросилась!»

Олеся вспыхнула (как бы там ни было, джентльмен такого не скажет): «Будем считать, что все к лучшему! Прощай, Сергей!»

Он удивился: «Прощай?! Ты что, из-за Вики так обиделась? Ну перестань, у нас с ней не было ничего серьезного. А то, что было... это же ничего не значит!»

Олеся возмутилась: «Ах, это, оказывается, ничего не значит? Какой же ты... высокоморальный человек! Я бы еще могла понять, если бы у вас все было серьезно, а так... извини, не могу».

На прощание Сергей ее поцеловал – Олеся поморщилась: не надо сентиментальных жестов! А на следующее утро по-

чувствовала себя больной. Выходит, Сергей заразил ее простудой. Вот так он и ушел из ее жизни – оставив ей на память насморк и недобрые воспоминания. К вечеру Олеся совсем разболелась, поднялась температура, охрип голос. А через два дня был тот самый важный кастинг, который она из-за этой нелепой простуды провалила. И вот какой теперь Новый год?!

Кстати, еще неделю назад у нее были планы на новогодние праздники: ей позвонил приятель, с которым они вместе учились, и предложил заработать, выступая Снегурочкой на частных вызовах. «Песенку свою споешь про снежинки, улыбнешься – делать-то и не надо ничего!» Олеся сначала было хотела отказаться, потом задумалась: а что плохого? Детей порадую, да и деньги не помешают. И вот когда она уже хотела согласиться – некстати заболела. Заложенный нос хочется оторвать, в горле будто бы сидит большой кот и скребет лапой, а в голове туман. Хороша Снегурочка!

А как еще провести праздники, Олеся не знала. Она перелопачивала в уме всех знакомых, с которыми теоретически можно было бы встретить Новый год (таковые имелись), но празднование с друзьями предполагало веселье, а ей не хотелось никого расстраивать своим похоронным видом. Нет, шумные застолья сейчас не для нее, а других вариантов не было.

Она даже подумала (как и в случае с кастингом), что хорошо бы тридцать первое декабря отменить, перенести его на другие, возможно, более счастливые дни, но Новый год

был неотвратим. Его надо было праздновать сегодня, встречать уж как есть. Потому что другого-то все равно не будет (а до следующего еще надо дожить!).

Но как отмечать, с кем? «Эх, никто меня горемычную не любит и не ждет!» – закручинилась Олеся. Но тут она лукавила – ее очень любил и ждал дед Василий. И Олеся почувствовала его любовь через расстояние и улыбнулась: «Дед! Как он там? Надо позвонить в Бабаево!»

* * *

Накануне Нового года Андрей встретился с другом детства Игорем в ресторане Дома кино. В отличие от Андрея у Игоря был радостный вид и хорошее настроение. Друзья выпили за встречу по пятьдесят коньяка.

– Проводим старый год, Андрюха! – подмигнул Игорь. – Надо сказать, этот год для тебя был результативным! Прямо везде у тебя поперло! Карьера, известность, роман с такой женщиной! Это ж надо – сама Лиза Барышева!

Андрей скривился, и Игорь замолчал.

– Старик, что-то ты мне не нравишься! – покачал наконец головой Игорь.

Андрей пожал плечами – в последнее время его самого все в себе раздражало. Впрочем, как и в окружающих. Да, он не мог не признать, что превратился в угрюмого, недовольного типа.

– Что с тобой? – забеспокоился Игорь.

Он интересовался проблемами Андрея по праву старинного друга – они знакомы с детства, с тех времен, когда один еще не был весьма состоятельным бизнесменом, а другой известным композитором.

Андрей честно задумался: а в чем, собственно, причина? Ведь не может так быть, чтобы его странная депрессия не имела оснований...

– Да какой-то сплин, апатия. Понимаешь, ничего не хочется. Противное состояние...

– Бывает, – улыбнулся Игорь. – Сплин Онегина. У тебя типичный кризис среднего возраста!

– Думаешь? – хмыкнул Андрей.

– Тебе тридцать пять – значит, уже пора! Вот скажи, ты задумываешься над тем, что живешь неправильно?

– А то! – обрадовался Андрей. – Можно сказать, только о том и думаю.

– А может, – участливым тоном доктора с пациентом подсказал Игорь, – достало все так, что дальше некуда?

Андрей почувствовал настоящую радость от того, что на свете есть кто-то, кто его так хорошо понимает.

– Точно! А ты... откуда знаешь?

Игорь усмехнулся:

– Болею тем же самым, Андрюха.

– И как это лечится?

– По-разному. Говорят, весьма душеполезно менять что-

нибудь каждые семь лет: квартиру, жену, работу. Нужна какая-то встряска, прилив свежей крови, новые впечатления, путешествия! Кстати, я завтра с женой уезжаю на Мальдивы! Солнце, море, любимая женщина. Думаю, меня это быстро приведет в чувство. Ты бы тоже поехал куда-нибудь развеять грусть-печаль. Глядишь, поможет...

– Я и собирался – на горнолыжный курорт в Карпаты, чтобы только горы и снег вокруг. Но тут Лиза заявила о своих правах. Сказала, что уехать из Москвы не может, первого января у нее важная премьера.

– А ты как будто недоволен? Ну ты даешь! Тебе несказанно повезло – тебя любит женщина, о которой мечтают сотни мужчин в этой стране, – сама Лиза Барышева, а ты...

Андрей вздохнул: как объяснить, что его отношения с Лизой сложны, тягостны и для него в первую очередь сопряжены с чувством вины.

Лиза случилась в его жизни, как некое стихийное явление – внезапное, мощное, опасное. Весной он писал музыку к фильму, в котором Барышева играла главную роль. Однажды во время съемок она сама заговорила с ним, пригласила выпить кофе, на следующий день позвонила (неизвестно где раздобыв его телефон). Потом пригласила сходить с ней на премьеру. Все это выглядело очаровательно и вначале льстило Андрею. Вокруг шептались: надо же, сама Барышева! Но он не был готов к серьезным отношениям, потому что все еще переживал разлуку с женой, в браке с которой прожил

семь лет. Если бы не странная настойчивость Лизы, их отношения закончились бы еще тогда, весной.

– Если честно, я до сих пор не понимаю, почему Лиза проявила ко мне интерес, – признался Андрей. – И уж тем более не понимаю, почему она до сих пор со мной...

Андрей смущенно замолчал – он не считал достойным обсуждать подробности своей личной жизни даже с близким другом, к тому же он предполагал, что такие разговоры могли бы унижить Лизу, чего бы ему никак не хотелось.

– Что за надуманные сложности? – вздохнул Игорь. – До сих пор не можешь забыть Катю? Старик, прошло два года, хватит жить прошлым.

Андрей пожал плечами:

– Наверное, ты прав. Я сам себя ругаю за эту недостойную мужчины рефлексю.

– Как твоя симфония? – осторожно поинтересовался Игорь.

Андрей махнул рукой:

– Провалил! Считаю, расписался в собственной бездарности! Ладно, не будем об этом! Вот ты говоришь: год был удачным, популярность, деньги, а я за этот год так вымотался... Полный энергетический спад, словно меня жевали челюсти великого и ужасного шоу-бизнеса и выплюнули, и в итоге у меня ни сил, ни вдохновения, ни желаний. Я устал от требований продюсера, устал писать песни для певичек про бесконечные снежинки и любовные переживания! Неужели я

учился в консерватории для того, чтобы в итоге сочинять примитивные три притопа – три прихлопа?! Хочется писать настоящую музыку, а не эти распевки!

– Брось, «Снежинки» отличная песня – новогодняя, душевная!

Андрей поморщился, поскольку считал, что давно перерос свои достижения в эстраде, и мечтал уйти в серьезную музыку.

– И потом, за твои «Снежинки» тебе неплохо платят! – справедливо заметил Игорь.

– Вот и Лиза так говорит, – усмехнулся Андрей. – Она считает, что это верный хлеб и глупо завязывать с поп-музыкой. А мои эксперименты в области симфонической музыки считает блажью.

Андрей не стал рассказывать другу, что отсутствие понимания со стороны Лизы – еще одна проблема в числе прочих, априори лишаящая их возможный союз гармонии, а с недавних пор, как считал он, и смысла.

– А может, старик, у тебя от твоих успехов просто закружилась голова? Бывает и так! Есть понятие *equipped mentally* – быть готовым к собственному успеху. Так вот, очень немногие люди готовы к успеху. Зачастую мы легче смиряемся с хроническим невезением, привыкая к нему, воспринимая привычные неудачи, как узор на ковре в своей комнате, а вот именно успех, признание, если мы к этому не готовы, могут стать настоящей проблемой.

Андрей пожал плечами. На самом деле он считал, что никакого успеха не заслужил. Признание, деньги, американский контракт – все это словно какой-то аванс на будущее, который еще придется отработать. А вот получится ли у него – еще вопрос. И от этого внутри всегда живет какой-то страх, что его дарование истончится, вдохновение больше никогда не посетит и от композитора Савицкого останутся только незамысловатые эстрадные песенки. А может, его депрессия объясняется не пустой рефлексией, а состоянием яростного недовольства собой, в котором он существует последний год, с тех пор как задумал «Рождественскую симфонию»?!

– Тебе всего тридцать пять, – улыбнулся Игорь. – Будут еще победы и достижения и в той области, в которой ты хочешь...

– В том-то и дело – мне уже тридцать пять! Хочется успеть сделать что-то большое, настоящее, понимаешь?

– Понимаю, ты всегда таким был – непохожим на всех, бескомпромиссным, неуспокоенным. Черт знает, может, поэтому я с тобой и дружу? Кстати, надо отдать тебе должное, старик, популярность тебя не испортила: ты не забываешь старых друзей и не зазнался, примкнув к звездам шоу-бизнеса.

– Звезды! – фыркнул Андрей. – Мне эти звезды вот уже где! Обыкновенные и зачастую вздорные люди. Да кто вообще придумал это идиотское определение! Звезды – они на небе!

– Кстати, о небе! – оживился Игорь. – Ты так и проводишь все свободное от музыки время: перед телескопом?

– Это единственное, что меня радует, – признался Андрей. – Я так благодарен тебе за него!

Телескоп на прошлый Новый год ему подарил Игорь. По его словам, он долго думал, что такого можно подарить Андрею, у которого все есть, и наконец догадался – телескоп! Получив столь необычный подарок, Андрей сначала очень удивился, но из вежливости решил его освоить и вскоре увлекся астрономией. Теперь он ночи напролет изучал Вселенную.

– Понимаешь, вот я смотрю туда и вижу истинный масштаб вещей, по сравнению с которым все земное – наши проблемы, беды – кажется таким мелким, незначительным, пустым. Мышью на фоне горы... И вся эта шоу-бизнес-возня, и гонорары, и популярность, и даже моя симфония. Звездное небо – это моя карта для сверки маршрута и лучший отдых.

– Кстати, об отдыхе! – подхватил Игорь. – Я знаю, что обязательно поможет! Тебе нужно жить за городом, в своем доме! Это же лучшие условия для творчества! Звезды ближе, городская суeta дальше – идеально!

– Не понял, к чему ты клонишь?

– Хочу предложить тебе купить мой дом в Бабаеве!

– Ты его купил год назад затем, чтобы продать мне? – улыбнулся Андрей.

– Я его купил, потому что мне очень понравилось это ме-

сто. Бабаево – просто рай на земле. Сосновый бор, озеро, рядом бывшая графская усадьба – благодать и красота! Помню, когда я туда впервые попал и увидел этот огромный прекрасный дом, то сразу захотел, чтобы мои дети росли там, на свежем воздухе.

– Что-то я не припомню, чтобы ты часто появлялся в твоём благословенном Бабаево? Ты как-то все больше по границам мотаешься?!

– Вот именно! – вздохнул Игорь. – Веришь, нет – год назад купил дом, а за это время был там пару раз, не больше! Ты же знаешь мою работу – кручусь как белка в колесе! Да и Наталья моя не любитель сельской жизни. У нее все время концерты, гастроли. Какая там деревня! А в доме надо жить, он живой. Жаль, что простаивает пустым... Вот и предлагаю тебе – купи! Там есть все, что нужно для счастья.

Андрей пожал плечами:

– Купить дом? И чего? Жить за городом? Никогда об этом не думал. Да и какой из меня селянин? Нет, старик, извини, не по адресу!

– Понял, – кивнул Игорь. – А может, так поживешь? Свежий воздух, сосны, березы. Огромный дом в твоём распоряжении! Отдохнешь от продюсеров и Лизы заодно. Встретишь Новый год в одиночестве.

– Звучит заманчиво! А может, и впрямь? – задумался Андрей. – Посидеть в тишине, прийти в себя... Тем более, знаешь, я эту новогоднюю суету не люблю. Возьму с собой те-

лескоп, пообщаюсь с космосом...

– Заметано! Тогда тридцатого я тебя закину в Бабаево, все покажу-расскажу и вернусь в Москву. Тридцать первого утром мы с Наташей улетим на Мальдивы и вернемся только десятого января. А ты пока поживешь в Бабаеве!

– Ладно, в Бабаеве так в Бабаеве! – рассмеялся Андрей.

Глава 3

Тридцатого декабря Лиза отработывала накопившиеся долги – закончила озвучивание роли, дала интервью в связи с близкой премьерой, обсудила контракт на новую роль с продюсером и в итоге к концу дня почувствовала себя усталой.

Из телецентра она заехала в фитнес-центр, где долго, под руководством инструктора, пыталась снять усталость с помощью йоги. Обычно йога, как ничто другое, помогала ей расслабиться, но сегодня даже этот проверенный рецепт не сработал. Настроение не улучшилось, хоть ты тресни.

Ну тогда что? Будем медитировать на шопинг? Лиза поехала в любимый бутик и принялась вдумчиво выбирать платье для новогодней ночи. Добрый Дед Мороз «Д. Армани» за совершенно дикие деньги подарил Лизе платье ее мечты. Но и то сказать – сконструировать такое платье, чтобы оно лечило все недостатки и бесстыдно выпячивало достоинства, посложнее, чем сконструировать самолет! Когда Лиза вышла из примерочной в этом черном струящемся платье, продавец-консультант восторженно ахнул. Лиза улыбнулась – точно такой же реакции она ждала от Андрея, ради которого и собиралась купить платье.

Приехав домой, Лиза обсудила меню новогодней ночи со своей домработницей Тоней («Тонечка, Андрей любит грузинскую кухню, ты уж постарайся! И какой Новый год

без твоего фирменного „Наполеона“!»); придиричливо осмотрела празднично украшенную гостиную, разложила подарки, которые приготовила коллегам, домработнице и, главное, Андрею (она купила ему часы легендарной марки – красивые, очень дорогие). Для новогодней ночи все было готово, в списке необходимых приготовлений осталось только два пункта: праздничное настроение и, собственно, согласие Андрея встречать Новый год вместе.

С настроением, впрочем, у нее не получилось. Его ни в одном магазине не купишь и домработнице не закажешь – это не торт «Наполеон»!

Непонятно, что нужно для праздника, чтобы его почувствовать? Вот у нее есть все, что нужно (куда больше, чем у тысяч женщин), а праздника нет. И вообще давно праздника у нее в жизни не было. Если честно, она забыла, когда в последний раз чему-то по-настоящему радовалась.

От невеселых раздумий Лизу отвлек телефонный звонок: – С наступающим, дорогая! Ты не забыла – второго января премьера в Доме кино? – напомнил ее пиар-директор Олег. – Хорошо, – кивнула Лиза, – я буду. – Лизавета, из этого агентства опять звонили насчет новогодней ночи... Может, все-таки согласишься выступить? Они готовы увеличить гонорар.

– Нет, в новогоднюю ночь я работать не буду. Не в деньгах счастье! – Лиза усмехнулась.

– Ну как знаешь, – вздохнул Олег. – Где будешь встречать

Новый год?

– Дома, с любимым мужчиной! – отрезала Лиза.

– Повезло Савицкому, – хмыкнул Олег.

Лиза сухо попрощалась – она не терпела фамильярности, считала, что с подчиненными нужно держаться строго. Она знала, что из-за этого многие в киношном мире считали ее стервой и слава о закидонах Барышевой и крутом нраве шла вровень с ее популярностью. Ну и на здоровье, ее это ничуть не смущало. За годы работы в шоу-бизнесе она нарастила мощную противотанковую броню, причем начинала она с колючек, а теперь в ее арсенале уже имеется заряд боеголовки. Все знают, что Барышева может так срезать словом или устроить сцену на съемочной площадке, что мало не покажется.

Лиза бегло просмотрела пакеты с подарками, которые ей сегодня вручили в телецентре коллеги по работе (сувениры, косметика, бесчисленные коробки конфет), и равнодушно отодвинула их в сторону. С недавних пор ее интересовали подарки только одного человека, с помощью которых она пыталась понять, любит он или не любит?! Вот и сейчас, на Новый год, она ждала особенного подарка от Андрея, который мог бы стать подтверждением его любви... Не в материальном, разумеется, смысле (вряд ли Андрей мог подарить ей что-то, чего у нее не было, а главное, чего бы она сама не могла купить – она уже давно была способна удовлетворить любые свои запросы), а вот если бы он придумал нечто осо-

бенное... Например, посвятил бы ей «Рождественскую симфонию». Или преподнес бы обручальное кольцо... Пусть самое скромное, тоненькое, за пять копеек – не важно... Она давно ждала от Андрея такого подарка! С первого дня их встречи...

А получается, что встречу с Андреем Лиза подарила себе на прошлый Новый год. Тогда в Нью-Йорке, на Таймс-сквер, глядя на опускающийся шар, она загадала: в наступающем году встретить, наконец, суженого! И ведь сбылось – вскоре она встретила Андрея.

Уже в феврале, когда снимали масштабный исторический сериал с ее участием. Опаздывая на съемку, она вбежала в павильон и в дверях столкнулась с молодым мужчиной. «Красивый! – отметила Лиза. – А главное, в нем есть благородство, достоинство... Кто он? На актера не похож». Самым странным ей показалось то, что незнакомец на нее никак не прореагировал – прошел мимо, и все. Лиза, привыкшая к поклонению, сочла себя оскорбленной – каково?! И спросила у своей гримерши: «Сонь, кто это такой бледный, кудрявый и ходит как будто под гипнозом?» – «Это Андрей Савицкий, – улыбнулась Соня. – Композитор».

«Да? – удивилась Лиза. – И что, известный?» – «Он написал музыку к нашему фильму». Зная бюджет их проекта, Лиза сочла этого композитора достаточно известным. Она попросила звукорежиссера дать ей прослушать треки к фильму. Завораживающая музыка, которую написал Савицкий,

произвела на Лизу сильное впечатление, и она решила во что бы то ни стало познакомиться с Андреем.

Во время съемок Лиза несколько раз продефилировала мимо Андрея в образе звезды, но он, кажется, даже не заметил – скользнул по ней рассеянным взглядом и продолжил говорить с оператором. Тогда она подошла к нему и насмешливо спросила:

– Вы в реальности или под гипнозом?

– Не понял? – смутился Савицкий.

– Меня зовут Лиза! – Она по-королевски протянула ему руку для поцелуя.

Для начала она навела справки об Андрее: кто он, откуда. Ей не хотелось играть вслепую, к примеру, заводить роман с женатым мужчиной. Выяснилось, что еще пару лет назад про Савицкого никто не знал – говорили, он перебивался случайными заработками, а потом вдруг резко пошел в гору, стал популярным. Лизе рассказали, что Андрея пару лет назад, еще до внезапно обрушившейся славы, бросила жена. Досужие кумушки утверждали, что та просто не выдержала безденежья и бросила мужа-неудачника, когда ей подвернулся известный футболист с миллионными контрактами. Лиза навела справки и о ней и узнала, что после развода Екатерина Савицкая уехала с новым мужем в Лондон, забрав с собой сына Сашу. Теперь Екатерина жила в Лондоне в полном шоколаде, ее футболист зарабатывал миллионы (он усыновил маленького Сашу, мальчику даже поменяли фамилию

без ведома биологического отца). Возвращаться к бывшему мужу дамочка явно не планировала.

Лизе стало известно и то, что Андрею в богемных кругах не приписывают ни одного романа, скандала или интрижки. Его характеризовали как человека серьезного и глубокого, то есть как совершенно инородное для шоу-бизнеса тело. Подытожив полученные сведения, Лиза представила Андрея талантливым, страдающим, загадочным, таким мужчиной-иероглифом и... влюбилась.

Инициатором их отношений была она. Они стали встречаться, хотя справедливости ради стоило сказать, далось ей это нелегко. Сам Андрей не проявлял инициативы, казался холодным и равнодушным. Лиза чувствовала, что в нем было какое-то напряжение. Его сдержанность, ирония подчас ранили ее, но, списывая это на прежнее разочарование в браке, Лиза не теряла надежды приручить Андрея.

«В конце концов, до этого времени у меня все получалось, – не без самодовольства думала Лиза. – Москва у моих ног, богемная тусовка со мной считается, получится и с Андреем. Никуда он не денется! Уже в этом году он сделает мне предложение».

Она вообще привыкла брать от жизни все, что хотела. Кстати, надо заметить, что этой полезной привычкой Лиза обзавелась не сразу; в самом начале актерской карьеры она была другой – застенчивой провинциалкой, растерявшейся в большой, враждебной Москве. А потом – там оттер-

ли, тут оттеснили, здесь задвинули на второй план, в этот фильм взяли не ее, а нагловатую, самоуверенную соперницу, и юная Лиза Барышева серьезно призадумалась: что с ней не так? И стала себя дрессировать. Лиза выработала надменный взгляд, стервозные интонации, устроила пару показательных скандалов на съемочной площадке, и за ней закрепилась слава скандальной сумасбродной дивы.

Впрочем, Андрею она открылась и с другой стороны – с ним она могла быть мягкой, нежной. Она помогала ему – упоминала его имя в обществе нужных людей в самых высоких кругах, куда была вхожа. Правда, она старалась делать это так, чтобы Андрей ничего не узнал – он отвергал любую протекцию. Она трогательно ухаживала за ним (в студию, где он работал ночи напролет, привозила его любимую еду, приготовленную ее домработницей Тоней), вывозила Андрея куда-нибудь погулять, сознательно отрывая от работы («нельзя так много работать, тебе надо отдохнуть»), находила ему лучших врачей, когда полгода назад у него вдруг начались проблемы с позвоночником; в общем, из эгоистки, каковой все вокруг ее считали, Лиза превратилась в заботливую наседку.

Но, несмотря на это, ей так и не удалось стать для Андрея по-настоящему близкой. Год заканчивался, а он не то чтобы не сделал ей предложение, а вообще не выказывал признаков того, что она ему дорога.

И, устав ждать ответных чувств, чувствуя его безразличие,

она в последнее время начала срываться, от отчаяния и растерянности закатывала ему скандалы, истерики. Лиза понимала, что ее сцены и упреки только усугубляют ситуацию, поскольку, как известно, «под давлением все ухудшается», однако зачастую не могла сдержаться, открыто обвиняя Андрея в бесчувственности. Хотя, в сущности, ей не в чем было его винить – он с самого начала ничего не обещал ей, между ними даже еще не было физической близости.

Поняв однажды, что Андрей отнюдь не стремится стать ее любовником, Лиза, привыкшая к поклонению со стороны мужчин, почувствовала изрядное удивление и растерянность. Как-то она прямо спросила у Андрея, в чем причина его холодности. Он смутился и ушел от ответа. Но она догадалась сама: он слишком серьезно относится к интимной близости, для него это лишь составляющая любви. Ей придется подождать, пока он отгадает. И она терпеливо ждала полгода, но... сколько же можно? А с недавних пор у нее появилось горькое чувство, что Андрей тяготится ею, да и вообще не любит.

В последние два месяца они оба были очень заняты, много работали, редко встречались, и теперь она ждала от новогодней ночи чего-то особенного. Надеялась, что у них с Андреем случится душевный разговор, решающее объяснение, которое все изменит и поможет им повернуться лицами друг к другу.

Лиза взглянула на портрет Андрея, стоявший на ее столе.

«Пожалуйста, позвони мне!» – попросила она. И тут, словно бы Андрей ее услышал, раздался телефонный звонок.

– Да, Андрей! – засияла Лиза. – Я как раз думала о тебе. Ты же знаешь, я всегда о тебе думаю... Приезжай сейчас ко мне! Почему бы нам уже не начать отмечать Новый год?

У Андрея был виноватый голос. Такой, что Лиза, перестав улыбаться, застыла с трубкой, почувствовав что-то неладное. Андрей объяснил, что приехать не может, потому что он не в Москве.

– А где ты? – растерялась Лиза.

Андрей принялся сбивчиво объяснять, что его симфония не удалась и что ему не до праздника.

Лиза слушала, едва сдерживаясь, чтобы не закричать: «При чем здесь вообще твоя симфония? Как ты всех с нею достал!» Наконец Андрей перестал говорить о своей драгоценной симфонии и признался, что находится сейчас в Бабаеве!

– Ты смеешься надо мной? – выкрикнула Лиза. – Какое Бабаево?

Андрей рассказал, что Игорь на праздники уступил ему дом в Подмосковье.

– А я? – Лиза почувствовала, что вот-вот заплачет.

Андрей уверил ее, что является сейчас не лучшим компаньоном для праздничного застолья, признался, что хотел бы побыть в одиночестве, и предложил встретиться после праздников.

Задыхаясь от обиды и боли, Лиза бросила трубку. Значит, новогоднего чуда не будет?! Андрей попросту сбежал от нее? Подумать только – она готова отдать этому мужчине все, что у нее есть, а он собирается встречать Новый год в каком-то Бабаеве!..

Лиза подошла к окну и долго-долго плакала. Сюжет на все времена, как в ее любимой песне: «Сильная женщина плачет у окна».

В гостиную вошла домработница Тоня. Она хотела что-то сказать, но, увидев, что Лиза расстроена, испуганно замерла.

Лиза повернулась к ней.

– Вы плачете? – потрясенно спросила Тоня.

– А почему я не могу плакать?

– Но вы плачете... как обычная женщина! – простодушно воскликнула Тоня.

Именно за простодушные и наивность Лиза ее любила и, несмотря на свой склочный характер, никогда не притесняла.

– А я и есть обычная женщина! – вздохнула Лиза. И в этом вздохе не было кокетства, только горечь. – И вообще... Ты знаешь женщину, которая бы никогда не плакала у окна?

Тоня печально покачала головой и вышла из комнаты.

Но почему? – Лиза снова и снова задавалась этим вопросом. Почему ей не удалось приручить Андрея, несмотря на все старания?

Неужели она стара для него? Все-таки ей тридцать де-

вать... Разумеется, она прекрасно выглядит, но она много повидала в жизни и может показаться циничной и расчетливой. «Эх, вернуть бы время назад, стать юной и наивной! — Лиза вздохнула: — Неужели я старею?»

Да, после встречи с Андреем она все чаще стала ловить себя на мысли, что хотела бы снова стать начинающей актрисой, когда все — только впереди. Когда все еще внове, свежо и радостно. Молодость — вот счастье...

* * *

— Если бы ты знал, дед, как тяжело быть молодой, никому не известной певицей! — пожаловалась Олеся, сжимая в руках телефонную трубку. — Я устала доказывать, что чего-то стою, что у меня есть голос и желание посвятить жизнь сцене!

Утешая внучку, дед Василий нашел для нее теплые, искренние слова. После разговора с ним Олеся стало легче. Дед всегда поддерживал ее, был для нее самым близким человеком, на которого можно положиться во всем, кому можно полностью доверять. С самого детства дед был надежной опорой, стеной, за которую Олеся могла спрятаться. Если ее ругали родители или обижал противный соседский мальчишка, она всегда бежала к деду. Она и сейчас знала, что дед Василий будет любить ее, что бы ни случилось.

В жизни у каждого человека должно быть такое место на

земле, где он восстанавливает силы и отдыхает душой. У Олеси таким местом был отчий дом в подмосковном поселке Бабаево. Дом, где она родилась и провела детство.

Олеся положила трубку и представила, как хорошо сейчас в Бабаеве – можно смотреть в окно на падающий снег и попивать фирменный дедовский чай с чабрецом и мятой. Можно уйти в лес и долго гулять, вдыхая полной грудью морозный воздух, а потом, озябнув, проголодавшись, вернуться в тепло дома, сесть у зажженного камина и отведать приготовленное дедом вкуснейшее жаркое... А в последний час декабря выйти вместе с любимым дедом в сад.

Олеся давно не проводила новогодние праздники в Бабаеве. Уже с семнадцати лет она стала отмечать развеселый студенческий Новый год с песнями, танцами до упаду в компании друзей. Но теперь ей не хотелось шумного веселья – этот Новый год она хотела встретить в деревне.

«Да, – обрадовалась Олеся удачно найденному решению, – я поеду в Бабаево. Буду сидеть в гостиной у камина и жаловаться деду на свою пропавшую жизнь. В Бабаево!»

* * *

Выпив кофе, Василий Петрович занялся работой – ему предстояло ответить на несколько писем (бывшие ученики и коллеги из университета, где он преподавал долгое время, часто обращались к нему за консультациями). Научная дея-

тельность все еще занимала огромную часть его жизни, иногда профессор Цветков выбирался в Москву – проводить семинары, участвовать в конференциях.

Работу прервал телефонный звонок. Услышав голос любимой внучки, Василий Петрович засиял от радости.

Он бы так много хотел сказать ей, но не находил слов. Раньше он мог легко утешить Лесю, придумать для нее какой-нибудь особенный подарок, а сейчас это было сделать все сложнее – девочка выросла и незаметно для него превратилась в двадцатипятилетнюю барышню, у которой не детские проблемы и переживания.

Так получилось, что росла Олеся с ним (ее родители много работали, часто уезжали в командировки). У него не было какой-то особенной системы воспитания, и на вопросы, как надо воспитывать детей, Василий Петрович серьезно отвечал, что их нужно просто любить. Он гордится тем, что внучка выросла искренним, равнодушным, отзывчивым человеком, чувствующим чужую боль. Он поддерживал ее волонтерские проекты и помогал: как мог собирал подписи против застройки центра города у себя в институте, несколько раз выступал на митингах по просьбе внучки, а когда та привезла ему из приюта огромную кудлатую дворнягу с совершенно пиратской мордой, только вздохнул и сказал: «Ну, быть ему Пиратом!»

Он никогда не вмешивался в личную жизнь Олеси, но, познакомившись с Сергеем, сразу понял, что этот молодой че-

ловек не подходит внучке, и поделился своими мыслями с сыном, Лесиным отцом: «Видел я этого Сергея... Они совсем разные! Наша Леся искренняя, живая, смешливая! Она смеется всем телом. Помнишь, когда Леська была маленькая, она однажды так рассмеялась, что свалилась с дивана? А у этого Сергея, кажется, вообще нет чувства юмора. Во всяком случае, за три дня, пока он гостил у нас в Бабаеве, я ни разу не видел, чтобы он заразительно смеялся; натянуто улыбался, не разжимая губ, – да, а искреннего смеха, живого, сердечного разговора от него не дождешься! В Лесе совсем нет манерности, надменности, а Сергей – очень самовлюбленный парень. И вид у него такой, будто он... проглотил кеглю».

Узнав, что Олеся рассталась с Сергеем, Василий Петрович вздохнул с облегчением – и к лучшему! Ему хотелось видеть рядом с ней другого мужчину.

– Лесенька, все будет хорошо! Вот увидишь! – приободрил Василий Петрович внучку, когда они говорили по телефону. – Тем более сегодня Новый год, ты всегда так любила этот праздник... Как я буду встречать Новый год? Ну, за меня ты не беспокойся! Нам с ребятами скучно не будет!

Когда спустя полчаса Олеся перезвонила снова и сказала, что приедет в Бабаево, чтобы встречать Новый год вместе с ним, Василий Петрович сначала даже не поверил.

– Леся, разумеется, я рад! – улыбнулся Василий Петрович. – Я прямо сейчас начну готовить твои любимые блюда!

Я тебя очень жду!

Приезд внучки для Василия Петровича был самым лучшим новогодним подарком. Он отправился на кухню, чтобы заняться приготовлением праздничного стола. Он еще не знал, чем сегодня будет удивлять любимую внучку. В свое время Василию Петровичу пришлось научиться готовить – сын с невесткой часто уезжали в командировки и оставляли Олесю на его попечение. Готовить он любил и, как говорили домочадцы, умел. Сегодня он хотел приготовить для Олеси что-нибудь особенное.

Василий Петрович колдовал над новогодним меню, когда из Европы позвонили сын Юрий и невестка Ольга. Они поздравили отца с наступающим Новым годом. Ольга попросила деда приглядеть за Олесей, а Юрий обратился к отцу с другой просьбой.

«Батя, тут такое дело... Сегодня в Москву на Новый год приезжают два моих приятеля с Севера – помнишь, я ездил туда на семинар от университета? Геологи, отличные ребята. У них дела в министерстве, ну и заодно они хотели задержаться в столице на праздники, отдохнуть. Я им дал твой адрес, если что, прими их на Новый год? Накорми, размести у нас, не сидеть же им в новогоднюю ночь в гостинице... Может, конечно, они до Бабаева и не доедут – сам понимаешь, Москва, столько соблазнов, но на всякий случай я сказал, что они могут заехать к тебе». Василий Петрович заверил сына, что будет рад гостям и примет их радушно.

После разговора с Юрием он вышел во двор дома. Новогодний снег заметал Бабаево. «Как метет сегодня... Если так пойдет дело, к вечеру занесет все дороги и к нам уже никто не доберется!» – вздохнул Василий Петрович.

Он позвонил внучке в Москву и предупредил, что, если она хочет встречать Новый год в Бабаеве, пусть выезжает прямо сейчас, потому что к вечеру, кажется, намечается настоящая метель.

Олеся ответила, что уже загрузила багажник продуктами и выезжает. «Дед, жди, через пару часов буду! Если, конечно, не застряну где-нибудь в ваших лесах!»

Василий Петрович взглянул на часы – до вечера ему надо было многое успеть.

– Ну что, Полковник, будем ждать гостей? – Дед Василий погладил любимого кота.

* * *

Начальник колонии Рыков был сильно озадачен – ему позвонили с самого верха, из Москвы, и огорошили сообщением, что к ним в колонию под Новый год приедут гости – сотрудники зарубежной правозащитной организации.

– А зачем? – изумился Рыков. – Что мы такого натворили?

Высокое московское начальство ответило, что пока ничего, а иностранцы приедут посмотреть, в каких условиях содержатся заключенные, поздравить их с Новым годом и вру-

чить подарки.

– Какие подарки? – Рыков хотел было сказать все, что он думает об этом, не выбирая выражений, но важный московский генерал насмешливо ответил:

– Новогодние!

– А почему выбрали нас? – с тоской спросил Рыков.

– Ну, ты ближе всех к столице, и потом, у тебя образцовая колония, можно сказать, курорт. Кого еще им показывать? – ответило начальство из Москвы. – Кстати, их десять человек. Два англичанина, французы, датчане, а главный у них – финн.

«Незванный гость хуже финна», – ругнулся про себя Рыков и осторожно поинтересовался:

– А нельзя ли обойтись э... без этого? Скажем, в Тамбовскую область их отправить?!

Но наверху его строго одернули:

– Ты что, Рыков?! Разве ты не хочешь, чтобы твоя Родина, твою мать, вступила в Евросоюз?!

Рыков вздрогнул и поспешил заверить, что раз Родина даст приказ – будет сделано, примут хоть финнов, хоть алжирцев в лучшем виде.

– А как их, кстати, принимать прикажете?

– Душевно, Рыков! Нежно! С хлебом-солью и песнями. Чтобы они остались довольны. А ежели чего... Сам понимаешь!

Рыков понимал и поэтому после разговора с Москвой

схватился за голову: ну все, весь Новый год насмарку! Теперь придется каких-то финнов принимать... А, чтобы их... Сидели бы по домам и не баламутили людей! Правозащитники! Делать им нечего!

Аркадий Хныкин по прозвищу Философ прислушался к бормотанию Сани Бешеного – тот спал беспокойно, ворочался.

– Сань, ты чего? – Философ потряс Бешеного за плечо.

Саня потянулся во сне и резко вскочил. Увидев Философа, он угрюмо спросил:

– Ну?

– Приснилось что? – улыбнулся Философ.

Саня недовольно повел плечами и промолчал – у него было плохое настроение, потому что действительно приснилось.

– Слышь, Сань, – шепнул Философ, – тема такая – к нам иностранцы едут. Будут колонию инспектировать, с Новым годом нас поздравлять.

– Да ну? – Саня ослепил Философа блеском двух передних золотых зубов. – Беса гонишь?

– Век воли не видать! – побожился Философ. – А ты не заметил, какой шмон устроили? Завтра, тридцатого, эти интуристы будут здесь.

– Интуристы, говоришь? – задумался Саня. – Небось кипеж поднимется?

– А то! – кивнул Философ. – Рыков, говорят, волну гонит

– типа, нельзя перед ними опозориться.

– Новогодняя кутерьма, значит? – Саня подмигнул Философу. – Дак это ж подарок нам от Деда Мороза! Короче, такие дела, умник: завтра я отсюда свалю.

– Ты че, Сань? – охнул Философ. – Повяжут!

– И хрен с ним... Мне все равно терять нечего, – отрезал Бешеный. – Слышь, Философ, пойдешь со мной?

Философ почесал голову – в сущности, ему было все равно. За годы, проведенные в тюрьме, он развил в себе стоические качества и ко всему относился с буддийским спокойствием.

– Ну, вообще, в планах не было! – заметил он.

– Что ты хочешь, Философ: свалить со мной или чтобы я порвал тебе пасть? – ласково сказал Бешеный.

– Общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека! – высказался Философ после минутного размышления.

– Кто говорит? – заинтересовался Саня.

– Энгельс.

– Значит, валим вместе!

Глава 4

Дом Игоря Андрею понравился. Красивый, двухэтажный, со множеством комнат и огромной гостиной, в которой стоял рояль, принадлежавший жене Игоря – Наталье (Наталья была однокурсницей Андрея по консерватории; именно Андрей и познакомил ее с Игорем).

Особенно Андрею понравилось то, что дом расположен на огромном участке земли и удален от соседних домов. А прямо за домом Игоря простирался большой дремучий лес (и тянулся этот лес, если верить словам хозяина, на много-много километров). Собственно, лес начинался прямо на участке, достаточно было открыть заднюю калитку сада – и ты уже в лесу.

На прощание Игорь посоветовал Андрею непременно прогуляться до бывшей барской усадьбы.

– Что за усадьба? – спросил Андрей.

– Памятник архитектуры! Гордость Бабаева! – многозначительно улыбнулся Игорь.

– Ладно, посмотрим, что там за дворец союзного значения!

Андрей попрощался с другом и отправился осматривать окрестности.

Поселок оказался небольшим и безлюдным. Гуляя по нему целых два часа, Андрей так никого и не встретил.

Именно о таком уединении он давно мечтал. Кроме всего прочего, ему было приятно сознавать, что его здесь наверняка никто не знает и он может чувствовать себя свободно. В последнее время в Москве Андрей стал ощущать гнет популярности – роман с Лизой прибавил ему ненужной, утомительной славы, и если прежде он, скажем, мог спуститься к газетному киоску в старых джинсах и майке, не переживая по поводу пятидневной щетины, то теперь это было невозможно – его сразу могли узнать, а потом слушай всякие глупости: Савицкий запил. Ох, не повезло же его подружке Барышевой. Кстати, что она вообще в нем нашла? Ни кожи ни рожи, и песни у него дурацкие! Любой выход в свет с Лизой был пиар-поводом, то есть поводом для пересудов и сплетен, на них смотрели, их обсуждали, и Андрею, человеку совершенно не публичному, это не нравилось.

А здесь, в этом забытом богом поселке, он мог быть самим собой и не бояться любопытных взглядов.

Кстати, Игорь не обманул – в Бабаеве действительно была какая-то благословенная тишина. Где-то в мире в космос летели ракеты, большой город бурлил, готовясь к шумным праздникам, а здесь было поразительно тихо. И эта тишина была прекраснее любой музыки.

Воздух звенел... Деревья стояли, приукрашенные инеем, словно бы киношные декорации к какой-нибудь волшебной сказке. А снег искрился и, в отличие от городского, был очень чистым.

Андрей вспомнил, как в Японии, где он был месяц назад на фестивале, японские коллеги повели его в Музей снега и льда, созданный исследователем снежинок профессором университета Накая. В трех зданиях профессор собрал снежинки, изученные им за долгие годы работы. Андрей ничего подобного прежде не видел – музей походил на дом Снежной королевы: ледяные украшения, коридоры из осколков айсберга, шестигранные лестницы! Тогда же, в Японии, Андрей узнал, что другой японец, доктор Масару, исследуя водные кристаллы, пришел к выводу, что вода обладает памятью и запоминает информацию из окружающей среды. Доктор Масару утверждал, что вода, которой «давали послушать» классическую музыку и говорили «спасибо», при замораживании превращалась в снежную звезду самого красивого вида. А вот вода, рядом с которой играл тяжелый рок или при которой ругались, почти не кристаллизировалась, при замораживании получались лишь осколки.

А еще Андрею рассказали, что в японской культуре есть понятие «юкими» – «любование снегом». У японцев даже существует такой праздник. А кое-где в японских садах можно увидеть необычный фонарь для любования снегом – «Юкими-торо» и разглядеть на его крыше миллионы крохотных снежинок.

И вот сейчас, стоя посреди леса, Андрей любовался снегом (японец бы сказал – совершал обряд любования снегом).
...Вернувшись в дом, Андрей первым делом обустроил

наблюдательный пункт – установил телескоп на втором этаже в мансарде с балконом. Теперь он точно ничего не пропустит, и лучшим новогодним подарком для него станет звездное небо.

В гостиной он подошел к роялю и коснулся клавиш. Рояль отозвался... Андрей снова и снова проигрывал финал «Рождественской», пока наконец не почувствовал себя совершенно обессиленным. Нет, никуда не годится... Разве это гимн благодарности, любви, жизни? Разве такой он задумывал симфонию?! А впрочем, чему удивляться? Когда в нем самом нет ни любви, ни жизни... Он настолько опустошен, что последние два месяца вообще не может писать. Он работает с оркестром, дает концерты (и то скорее по инерции, отработывая на автомате, без особенного настроения), но чтобы писать, нужно особое вдохновенное состояние, а его фея вдохновения покинула его, а без нее ничего не получается...

Он слишком устал – его продюсер просил писать музыку, которая могла бы вписываться в соответствующий формат (Андрей называл это: «Чтобы и для цирка не было тонко!» – и зачастую ему приходилось идти на компромиссы, подгонять свои сочинения под прокрустово ложе шоу-бизнеса); менеджер настаивал на участии в светских мероприятиях (да еще Лиза требовала посещать с ней светские тусовки), и эти фестивали и фуршеты его совершенно вымотали, а самая главная усталость, наверное, была вызвана чувством обиды, засевшей в нем болезненной занозой, – он до сих пор

не понимал, почему у них с Катей все так получилось...

С Катей он прожил семь лет. Как в любой семье, у них были и ссоры, и дни радости, но главное, как казалось Андрею, – у них семья, сын, и это настоящая ценность.

Когда два года назад Катя объявила, что уходит от него к другому мужчине, Андрей растерялся и почувствовал, как земля уходит из-под ног. «А как же Саша?» (их общему сыну было тогда пять лет). «Ты сможешь его видеть, – пообещала Катя. – Не беспокойся, ему будет хорошо! Мой муж сможет его обеспечить, мальчик ни в чем не будет нуждаться». – «Ты все решила и за меня, и за Сашу?» В ответ был лишь виноватый взгляд Кати – ее роман с известным футболистом длился уже год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.